

Научная статья

УДК 94 (510)

EDN DUMIEB

DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(4).241-254

Китайские крестьяне и китайский аграрный капитализм: симулякры сельского хозяйства Дальнего Востока России

С.А. Иванов

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока, Дальневосточное отделение
Российской академии наук,
г. Владивосток, Российская Федерация

Дата поступления:

05.11.2022

Дата принятия к печати:

26.12.2022

Дата онлайн-размещения:

29.12.2022

Аннотация. Статья посвящена проблеме неопределенности объекта в исследованиях китайского присутствия в сельском хозяйстве восточных районов России. Хотя с середины 2010-х гг. сложилась интенсивная дискуссия о масштабах, мотивации и влиянии китайских агропроизводителей на локальные сообщества в РФ, она чаще всего контрпродуктивно фокусируется на этнически и социально гомогенном объекте. Автор показывает, что китайские исследователи используют категорию «крестьяне», хотя при описании российских реалий она превращается лишь в симулякр, позволяющий вообразить националистические нарративы об успехе китайцев за рубежом, но аналитически не имеет ценности. С середины 2010-х гг. научный дискурс КНР стал больше внимания уделять не крестьянам, а корпоративным субъектам, однако их он представляет как гомогенное сообщество инвесторов, в лучшем случае дифференцированное по официальной типологии (масштаб и характер его собственности). Более конкретное определение акторов было предложено в англоязычной литературе. Западные исследователи перенесли типологию агропроизводителей в КНР на описание китайского присутствия в восточных районах России. Однако этот механический перенос строился на анализе медиа дискурса, что создало иллюзию существования обособленного китайского аграрного капитализма в России. Автор статьи, отмечая сложность изучаемого объекта из-за ограниченного доступа к эмпирике, видит выход из возникшей неопределенности через анализ отдельных кейсов производителей или их типов. Такой подход, помимо конкретизации исследуемого объекта позволяет показать, что китайские производители интегрированы в трансграничные и локальные сети, не являющиеся этнически гомогенными.

Ключевые слова. Дальний Восток, Сибирь, Китай, сельское хозяйство, зарубежные инвестиции, крестьяне, аграрный капитализм.

科学文章

中国农民与中国农业资本主义：俄罗斯远东地区的农业模拟

S.A. Ivanov

远东人民历史、考古和民族志研究所，俄罗斯科学院远东分院，
符拉迪沃斯托克，俄罗斯联邦

结稿日期：2022年11月5日

出版日期：2022年12月26日

网上出版日期：2022年12月29日

摘要：本文致力于研究中国在俄罗斯东部地区存在的不确定性问题。尽管自2010年代中期以来，关于中国农业生产者的规模、动机和对俄罗斯联邦当地社区的影响已经形成了激烈的辩论，但它往往适得其反地集中在一个种族和社会同质的对象上。作者表明，中国研究人员使用“农民”这一类别，虽然在描述俄罗斯现实时它只是一个让人想象出海外华人成功的模拟物，但没有任何分析价值。自2010年代中期以来，中国的科学语篇更多关注的是企业实体，而不是农民，但它把他们描绘成一个同质的投资者社区，在最好的情况下，这个社区根据官方类型（其财产规模和性质）进行区分。英

语文献中已经提出了一个更具体的行为体定义。西方研究人员将中国农业生产者的类型转用于描述中国在俄罗斯东部地区的存在。然而，这种机械转移基于媒体语篇的分析，这造成了俄罗斯存在独立的中国农业资本主义的错觉。这篇文章的作者指出，由于凭经验得来数据有限，所研究的对象很复杂，他认为通过对个别生产者案例或生产者类型的分析，可以摆脱由此产生的不确定性。这种方法，除了明确研究对象外，还可以证明中国制造商融入了跨境和本地网络，这些网络在种族上并非同质化。

关键词：远东，西伯利亚，中国，农业，外国投资，农民，农业资本主义。

Original article

Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East

S.A. Ivanov

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation

Received: 2022 November 5

Accepted: 2022 December 26

Available online: 2022 December 29

Abstract. The article deals with the problem of object ambiguity in studies of the Chinese presence in the agriculture of eastern Russia. Although since the mid-2010s there has been an intense discussion about the scale, motivation, and influence of Chinese agro-producers on local communities in the Russian Federation, it most often focuses counterproductively on an ethnically and socially homogeneous object. The author shows that Chinese researchers use the category "peasants," although when describing Russian realities, it becomes only a simulacrum that allows to imagine nationalistic narratives about the success of the Chinese abroad, but analytically has no value. Since the mid-2010s, scholarly discourse in the PRC has focused more on corporate actors rather than peasants, but it presents the former as a homogeneous community of investors, at best differentiated by official typology (by the scale and nature of its ownership). A more specific definition of actors has been proposed in the English-language literature. Western researchers adopted the typology of agro-producers in the PRC to describe the Chinese presence in the eastern regions of Russia. However, this mechanical transposition was based on the analysis of media discourse, which created the illusion of the existence of a detached Chinese agrarian capitalism in Russia. The author of the article, noting the complexity of the object under study due to limited access to empirical materials, sees a way out of uncertainty through the analysis of the individual cases of producers or their types. This approach, in addition to specifying the object, makes it possible to show that Chinese producers are integrated into cross-border and local networks that are not ethnically homogeneous.

Keywords. Far East, Siberia, China, agriculture, foreign investment, peasants, agrarian capitalism.

Академическая наука долгое время не обращала внимание на китайское присутствие в сельском хозяйстве России. Это игнорирование продолжалось четверть века: китайцы начали работать на российских землях с 1988 г., и тогда виделись перспективным выходом из продо-

вольственного кризиса на Дальнем Востоке и в Сибири [1, p. 257]. К середине 2010-х гг. они стали неотъемлемой частью тепличного овощеводства во всей России, соеводства в южных регионах Дальнего Востока, рисоводства и свиноводства в Приморье, занимая от 5 % до 80 %

пахотных земель в приграничных с Китаем районах [2, с. 107]. Такие масштабы присутствия не могли не вызвать антикитайский алармизм [3], особенно остро проявившийся в Забайкальском крае при попытке китайской компании арендовать там большой участок сельскохозяйственных земель [4, р. 302]. Росла и конкуренция за землю: когда крупные российские агрохолдинги попытались прийти на Дальний Восток, то оказалось, что свободной земли в регионе нет¹. Об успехах китайских крестьян и компаний в сельском хозяйстве России активно писали СМИ в КНР, что также вызывало подозрения на фоне игнорирования этой темы в российском официальном дискурсе.

На фоне публичного интереса постепенно проявлялся и академический. Причем возник он не у социальных исследователей села и сельского хозяйства России: они в 2015 г. видели китайских аграриев на Дальнем Востоке и в Сибири лишь как возможную перспективу [5]. Первопроходцами стали специалисты по Китаю и приграничному сотрудничеству, опубликовавшие в 2014–2016 гг. первые статьи о китайском присутствии в России [3; 6–8]. Постепенно научная дискуссия разрослась до отдельного семинара в Оломоуце (Чехия)², специальных выпусков академической периодики (*The American Journal of Economics and Sociology*, 2020, № 5) и специальных рубрик в журналах (*Inner Asia*, 2022, № 1).

Хотя накопившиеся исследования ставили разные задачи от общего описания китайского присутствия до узких проблем землепользования и взаимодействия с локальными сообществами, в них красной нитью проходила неопределенность в объекте изучения. Эта особенность четко обозначилась на вышеуказанном семинаре, на котором присутствовал автор статьи: после прослушивания всех докладов в воздухе повис вопрос, кого собственно мы обсуждали — крестьян, предпринимателей, капитал или рабочих. Слово сочетание «китайское присутствие», которым в том числе оперирует настоящая ста-

тья, решает проблему лишь декоративно. Его использование оправдано, если стоит задача обозначить сам феномен китайского влияния или его многоаспектность [9, р. 20], но сомнительно, когда речь идет о конкретных акторах или социальных отношениях.

Настоящая статья показывает, как категориальный аппарат для обозначения акторов сельскохозяйственной деятельности определял описание всего феномена китайского присутствия в восточных районах России. В ней утверждается, что категории «крестьян», «китайского аграрного капитализма» и «аграрных классов», перенесенные из китайского дискурса или западной академической литературы, становились симулякрами при описании российской действительности, т.е. феноменами, которые вряд ли вообще существовали в реальности. Их использование было вызвано идеологическими требованиями или неосторожным следованием за медийным и академическим дискурсом. Статья предостерегает и от соблазна видеть только китайскость в китайских инвестициях, компаниях, фермерах или рабочих, так как они встроены в этнически негомогенные сети и связи.

Крестьяне и аграрный капитализм в Китае

Исследование категорий, которыми описывают китайских акторов сельскохозяйственного производства в России, стоит начать с более широкой дискуссии о судьбе крестьянства и аграрного капитализма в современном Китае. К середине 2010-х гг. в ней сложились две точки зрения. Часть исследователей настаивала, что крестьяне продолжают существовать как класс и являются ключевой силой сельского хозяйства в Китае. Такое видение изначально предполагало некапиталистический характер аграрных отношений в стране, так как крестьянство находится вне капитализма и его противоречий, не прибегает к найму рабочих и опирается на семейный труд [10]. Сторонники наличия крестьянства в современном Китае исходят из особого исторического пути развития восточноазиатского села, принципиально отличного от европейского. Они утверждают, что в XIX в. в Восточной Азии произошла не «индустриальная революция» (*industrial revolution*), а «деятельностная революция» (*industrious revolution*). Особая организация труда крестьян, основанная на трудолюбии, терпении, бережливости и многозадачности, позволила извлекать больший прибавочный про-

¹ Житница АТР: как экспортировать больше продовольствия с Дальнего Востока. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2019-zhitnitsa-atr-kak-eksportirovat-bolshe-prodovolstviya-s-dalnego-vostoka/translation/> (дата обращения: 19.12.2022).

² В 2019 г. университет Палацкого в Оломоуце (Чехия) организовал семинар на тему “Chinese Agriculture Abroad”, где в основном обсуждались вопросы китайского присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке России. URL: <https://sinofon.cz/workshops-conferences/previous-events/chinese-agriculture-abroad-2/> (дата обращения: 19.12.2022).

дукт при обработке земли, чем на Западе [11, р. 4–6]. Ван дер Плаг, один из наиболее ярких исследователей крестьянства, указывал, что интенсификация производства через труд в Китае не исключает вложение капитала, но его применение обусловлено «нетоварными соображениями», т.е. прибавочный продукт расходуется только на нужды производства и его дальнейшую интенсификацию [12, р. 165]. Ф. Хуан называл последние тридцать лет развития китайской деревни сельскохозяйственной революцией с китайской спецификой, когда происходила «капитализация без пролетаризации»: крестьяне не превращались в рабочих при взаимодействии с рынком, а начинали заниматься более капиталоемкими производствами на селе [13]. В пользу сторонников крестьянства в Китае говорит тот факт, что в стране до сих пор действует коллективная собственность на землю, поэтому она не превращена в товар, что соответственно тормозит обезземеливание жителей села.

Другая часть исследователей утверждает, что сторонники крестьянства упрямо ищут и пытаются зафиксировать социальный класс, который почти исчез. Г. Бернштейн указывал, что «крестьянство» в современных условиях превратилось, скорее, в политическую категорию, и вряд ли оправдано ее аналитическое использование. В пользу этого говорит отсутствие глубоких текущих исследований «крестьян» как социального феномена, а термин употребляется как антитеза аграрному капиталу или корпоративному сельскому хозяйству, захватывающему все большие пространства пахотных земель по всему миру [14, р. 641–643]. Это приводит к идеализации аграрного производства небольшими хозяйствами, необоснованно закрепляя за последними такие черты как: высокая экологическая сознательность, приоритет практических знаний над теоретическими и коллективная солидарность [14, р. 630]. Во многом на противопоставлении «крестьян» и «капитала» зиждется современный правый популизм, имеющий большой успех в сельской местности по всему миру [15]. Таким образом, «крестьяне» и «крестьянство» как аналитические категории утратили ценность.

На уровне административно-правовой практики КНР уже давно не крестьянская страна. Еще в 1990-е гг. китайское правительство стало поддерживать «индустриализацию сельского хозяйства», т.е. формирование крупных агрокомпаний, объединяющих сельскохозяйственное производство, переработку и маркетинг в единую цепочку добавленной стоимости [16, р. 48–49].

В это же десятилетие стало активно развиваться контрактное фермерство, когда предприниматель заключал соглашение с крестьянином на производство определенного вида продукции. Такое сотрудничество в мировой практике нередко вело к утрате домохозяйствами земли из-за неисполнения контракта. В Китае запрет на рыночное обращение земли защищал крестьянина от таких последствий [17], но контрактное фермерство втягивало его в рыночные отношения [18]. В 2006 г. правительство приняло закон о сельских кооперативах, закрепивший до этого экспериментальную практику образования фермерских объединений. Это еще больше усилило расслоение китайского села, так как правительство стало предлагать субсидии кооперативам, которые в основном состояли из богатых домохозяйств и предпринимателей [19, р. 347]. С 2013 г. власти предложили увеличить субсидии не крестьянам, а «крупным профессиональным хозяйствам, семейным фермам и крестьянским кооперативам»³. Оно также усилило поддержку «ведущих предприятий» (так называемых «лунтоу цие»), формировавшихся промышленным и коммерческим капиталом. Такие предприятия вкладывали в создание высокотехнологичной переработки сельскохозяйственной продукции и в целях гарантированного поступления сырья прибегали к уже упоминаемым контрактным отношениям с сельскими жителями. К 2013 г. в Китае работало около 120 тыс. «ведущих предприятий», на которых по договорам напрямую или косвенно работало около 40 % сельских домохозяйств страны [20, р. 376]. С конечным производством таких компаний было связано 60 % пахотных земель, 70 % животноводства и 80 % аквакультуры страны [21, р. 7].

В результате капитализации аграрного сектора крестьянство в Китае как категория населения, которая ведет натуральное хозяйство, сильно сократилась. В 2015 г. Г. Бернштейн с группой исследователей опубликовали специальный выпуск «Аграрные изменения в современном Китае» в журнале «Journal of Agrarian Change». В нем ученые на основе глубокого изучения кейсов и доступной статистики показали сильнейшую дифференцию китайского села. Чжан Цзянь выявил пять классовых позиций: капиталистические работодатели (разбогатев-

³ 中共中央国务院关于加快发展现代农业进一步增强农村发展活力的若干意见 = Мнения ЦК КПК и Госсовета КНР об ускорении развития современного сельского хозяйства и дальнейшем повышении жизнеспособности сельского развития. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2013/content_2332767.htm (дата обращения: 19.12.2022)

шие крестьяне и менеджеры агрокомпаний), мелкобуржуазные коммерческие фермеры (успешные домохозяйства, опирающиеся на собственный труд и средства производства, но также нанимающие работников), домохозяйства с двойной занятостью (например, часть семьи трудится на селе, часть в городе), наемные работники и крестьяне, ведущие натуральное хозяйство [19, р. 346]. Его анализ показал, что расширение рынков и проникновение товарных отношений во все аспекты сельскохозяйственного производства оказывают давление на некогда однородную структуру крестьянских домохозяйств. В этом же номере Янь Хайжун и Чэнь Юань пошли еще дальше и предположили, что в целом вряд ли вообще можно говорить о существовании «крестьянских домохозяйств» в настоящее время, так как необходимость приобретения постоянно дорожающих входящих ресурсов (семена, удобрения и пестициды, которые должны соответствовать требованиям фитосанитарного контроля) толкает их продавать все больше производимой продукции на рынке или вступать в контрактные отношения с «ведущими предприятиями» [20, р. 386–387]. Такие отношения в свою очередь нередко приводили к скрытой пролетаризации: домохозяйства теряли фактический доступ к земле, формально сохраняя участие в коллективной собственности на нее. В результате они либо превращались в наемных работников на своей же земле, либо переезжали в город [22, р. 462].

Эти изменения китайского села не могли не повлиять на характер китайской активности в зарубежном аграрном производстве [23, р. 20]. Например, И. Хофман показала, что типология китайских агропроизводителей в Таджикистане схожа со структурой акторов в самой КНР [24]. В случае с Россией ученые пока находятся в поисках подходов, которые могли бы адекватно описать китайское присутствие в России и четко обозначить его акторов. Наибольшие сложности здесь испытывает китайская наука, которая зависима от государственной идеологии.

Китайские крестьяне как первопроходцы на русской земле

Китайская наука продолжает настаивать на существовании «крестьянства» в стране. Использование этого понятия - это во многом требование государства. «Крестьяне» — это важная правовая и управленческая категория, которая подпирала такие институциональные феномены

как коллективная собственность на землю и более низкий социальный статус жителей села по сравнению с жителями городов. Это и важная идеологическая парадигма государства, которое официально строит социализм с опорой на «рабочих, крестьян и интеллигенцию»⁴.

Соответственно китайские ученые утверждают, что сельскохозяйственную деятельность в России начали и до сих пор ведут крестьяне. Последним приписываются уже упоминаемые нами трудолюбие и терпеливость, но помимо него и другие черты, свойственные китайскому национализму периода «реформ и открытости», включая предприимчивость, открытость, стремление к взаимной выгоде и уважению принимающего сообщества. Это явно читается в историях о китайских первопроходцах на российских полях. Как утверждают Цай Имин и Сунь Ин, еще в 1988 г. «67 крестьян из Суйфэнхэ провинции Хэйлуцзян самоорганизовались, чтобы арендовать 87 га земли в российском Приморском крае для выращивания овощей» [25, с. 5]. Этот тезис не учитывает реалий СССР 1988 г.: в это время границы еще не были прозрачны, а взять землю в аренду можно было только у колхозов, заключавших в то время контракты в области сельского хозяйства только с экспортно-импортными компаниями из Китая. Исторические факты — российские архивы и собранные нами устные истории — также опровергают версию китайских коллег: в 1988 г. в Приморье на самом деле приехали китайские рабочие для выращивания арбузов и овощей, но исключительно по взаимному контракту советских колхозов с китайскими внешнеторговыми фирмами⁵.

Китайские медиа изобилуют историями успеха китайских крестьян. Здесь мы приведем лишь несколько примеров о крупных китайских хозяйствах в Приморском крае. Компания «Елена», которая до сих пор работает в Пограничном районе, была образована, если верить газете «Муданьцзян Жибао», суйфэнхэским крестьянином Лю Цзяньпином при поддержке местного правительства. Он взял кредит в сельском кооперативе в Китае и привез 49 земляков в Россию, чтобы заняться сельским хозяйством. Постепенно его бизнес разросся до крупной компании с 10 тыс. га пахотной земли, взятой в аренду

⁴ 中华人民共和国宪法 = Конституция КНР. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 19.12.2022)

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 36, 47-48; Интервью, бывший руководитель совхоза, Приморский край, март 2021.

на 49 лет⁶. Другую историю успеха лучше привести почти дословно: «Сунь Сянбо, крестьянин из бедной семьи, продавал ланчи в коробках в Усурийске, скопил немного денег и начал заниматься оптовой торговлей фруктами и овощами, а в 2008 году основал компанию "Хуаян", которая... сейчас владеет 9 500 га земли... ежегодно нанимает 200 крестьян для работы в России... и дала возможность более 100 крестьянам основать свой бизнес в России»⁷. Невозможно проверить, насколько эти истории правдивы, однако некоторые факты в них определенно невозможны или крайне сомнительны. Например, китайское предприятие не может взять землю в аренду на 49 лет на российском Дальнем Востоке — это запрещено законом [26]. Более 100 крестьян-бизнесменов и их беспроblemная жизненная траектория из бедности в процветание — явно художественное преувеличение, учитывая не самую дружественную инвестиционную среду в России. Например, наши интервью показывают, что Лю Цзяньпин, возможно, и родился в деревне, но занялся бизнесом по семейным связям⁸.

Монография Цзэ Цзиня и Ли Линя «Хроники китайских крестьян в России» [27] еще более объемно рассказывает о роли крестьянства КНР в сельском хозяйстве РФ. Она состоит из биографических, фактологически богатых историй нескольких крестьян из Хэйлунцзяна, решивших заняться освоением обширных «целинных земель»⁹ соседней страны. В ней крестьяне изображены как находчивые, трудолюбивые и терпеливые герои, спасающие российское село, обеспечивающие местных жителей про-

довольствием, приносящие беспроблемный подход и, как следствие, вызывающие уважение в принимающем сообществе. В книге китайские крестьяне работают в легальном пространстве и имеют договоры аренды с российскими властями. Помимо арендных договоров, все их отношения в принимающей стране были основаны на бескорыстном сотрудничестве с другими китайцами и россиянами, чего было достаточно, чтобы справиться с любыми трудностями и рисками сельского хозяйства. Одна из журналистских рецензий на книгу гласила, что «в этой документальной литературе есть как разоблачения и нападки на социальное зло, такое как коррупция, так и восхваление борцов с коррупцией и анонимных героев-добровольцев; в ней есть как глубокий анализ доброты обычных людей, так и страстный призыв к правде и красоте мира»¹⁰. Не стоит обольщаться насчет столь высокой гражданской сознательности крестьян из КНР — по книге, она проявлялась, чтобы подчеркнуть недоразвитость российского села и коррумпированность российских бюрократов.

До середины 2010-х гг. российский академический дискурс в целом следовал за китайским, видя в крестьянах ключевую движущую силу китайской сельскохозяйственной активности в РФ. В нем крестьяне (вместе с рабочими и интеллектуалами) приезжали в российское приграничье из-за демографического давления в Китае и возможностей быстро заработать [28, с. 50]. Так, Г.П. Белоглазов указывал, что только в провинции Хэйлунцзян полмиллиона крестьян готовы приехать в Россию для организации сельскохозяйственных предприятий [29, с. 129].

Корпоративная экспансия

С начала 2010-х гг. китайский дискурс изменил акценты в описании акторов сельскохозяйственного производства в России. Продолжая настаивать на важной роли крестьянства, он стал отмечать ведущую роль крупных государственных и частных компаний. Примером этого изменения является статья в научном журнале *Zhongguo Nongken*, опубликованная в 2014 г. сотрудником государственной корпорации «Бэйдахуан». В ней отмечается, что крестьяне корпорации с середины 1990-х гг. самостоятельно направлялись в Россию, но их сельскохозяй-

⁶ 70年不忘农民增收初心从“猫冬文化”转身到“小农业大作为” = Семидесятилетие заботы о повышении доходов крестьян: от «лежания на печи» до «больших успехов в малом хозяйстве». URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_4546598 (дата обращения: 19.12.2022); 牡丹江农信社支持农民走与俄农业合作致富之路 = Муданьцзянское общество аграрного кредитования поддерживает фермеров на пути к процветанию через сельскохозяйственное сотрудничество с Россией. URL: <http://finance.sina.com.cn/bank/hydt/20060404/11592472855.shtml> (дата обращения: 19.12.2022).

⁷ 牡丹江开放型农业让农民“发洋财” = Открытое сельское хозяйство Муданьцзяна позволяет фермерам «сколотить состояние». URL: http://harbin.china.com.cn/2018-12/24/content_40621043.htm (дата обращения: 19.12.2022).

⁸ Интервью, бывший руководитель совхоза, Приморский край, август 2022.

⁹ Китайские медиа делают большой упор на освоении «целинных» земель в России, чтобы подчеркнуть неконфликтный и продуктивный характер деятельности крестьян из КНР.

¹⁰ 《中国农民在俄罗斯纪实》:为在俄中国农民立传 = Хроники китайских крестьян в России: описывая истории китайских крестьян. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/2012/05-03/3863524.shtml> (дата обращения: 19.12.2022).

ственное производство было неустойчивым и не справлялось с природными рисками. Они использовали устаревшую технику и технологии, конкурировали друг с другом. В начале 2010-х гг. в Россию пришла сама корпорация, которая улучшила положение крестьян через организацию их деятельности, снижение рисков и внедрение современной техники и технологий [30, с. 27–28].

Ключевым фактором работы компаний из КНР в РФ китайские ученые называют взаимодополняемость двух стран. Она предлагает рассматривать китайскую активность в сельском хозяйстве восточных районов России как естественный ход вещей [31, с. 4–5; 32, с. 11–12], который «объединяет преимущества техники, технологий и рабочей силы с китайской стороны с преимуществами богатых земельных ресурсов с российской стороны» [33, с. 96]. Этот простой тезис имеет сильный демотивирующий эффект для любого исследователя: зачем изучать, как устроено аграрное производство китайского бизнеса в России, если оно «естественное» и не требует «каких-то агентов» [34, с. 46].

Фокус на корпоративном секторе не привел к попыткам углубиться в понимание в качества и внутренних связей. Лишь работа Ван Юнчуня и др. [33, с. 96] предлагает дифференцированную структуру китайских производителей в России, выделяя агропредприятия, богатых фермеров и объединения крестьян. Однако дальше самого факта выделения типов хозяйствующих субъектов авторы не пошли. В целом же, китайский научный дискурс слепо копировал и комментировал официальный, не предпринимая даже минимальной рефлексии. Это отчетливо видно на примере приводимых учеными статистических данных. Тот факт, что в 2013 г. только у провинции Хэйлуцзян в России работало 160 компаний в области сельского хозяйства [33, с. 96], в 2018 г. у провинции Цзилинь — 26 [35, с. 57], а у всего Китая в 2018 г. — 34 [36, с. 85], никак не смущал ученых. Эти данные никогда не сопоставлялись.

Китайский аграрный капитализм в России

Чжоу Цзяи первая попыталась критично подойти к пониманию китайского присутствия в российском сельском хозяйстве и разобраться в его структурных особенностях. Ее работы [8; 37] строились на критическом изучении китайского медиа дискурса и его интерпретации через

призму типологии акторов сельского хозяйства в Китае. Она выделила пять ключевых групп, работавших в России: спонтанные крестьянские сообщества, наемные работники, коммерческие фермеры, крупные частные предприятия и государственные агрокорпорации [8, р. 9–12]. Исследователь не отрицала, что эти категории определены лишь через материалы СМИ, поэтому не обязательно отражают все разнообразие акторов. Но и к предложенной типологии остаются вопросы. Например, чем отличались «крестьянские сообщества» от коммерческих фермеров? Их описание в статье говорит лишь о разнице социального происхождения: первые являлись выходцами из деревень, вторые пришли в сельское хозяйство из других профессий. Но отсутствуют какие-либо данные, что они отличались по способам организации производства, технологическому уровню и рыночному положению.

Внимание к акторам и их мотивации позволило Чжоу Цзяи предложить более сложную интерпретацию успеха китайского сельского хозяйства в приграничных районах России. Она указывала, что интенсивное китайское присутствие в российском сельском хозяйстве коренится в китайских моделях капиталистического развития. Агросектор в Китае хоть и капитализируется, но «все еще заметно отличается» от приватизированного сельского хозяйства со свободными землями на российском Дальнем Востоке [8, р. 5–6]. Таким образом, накопление капитала в России происходит легче, чем в Китае [37, р. 198]. Критикуя упрощенные геополитические интерпретации, Чжоу Цзяи утверждала, что постсоциалистические трансформации и переплетение экономических и политических факторов определяли «фермерский ажиотаж» китайцев в приграничных районах России [37, р. 199]. К политическим факторам автор относил поддержку правительством зарубежных инвестиций и экспорта рабочей силы. Последнее было связано не с перенаселенностью, а с общей стратегией вывода капитала вовне и капитализацией села. Янь Хайжун и Чэнь Юань, например, приводят случай, когда местные власти уезда в Хэйлуцзяне, смягчая последствия укрупнения сельскохозяйственных производителей и выдавливания крестьян с их земель, стимулировали внешнюю миграцию рабочей силы, в том числе в Россию [20, р. 379–380].

В дальнейшем тезисы Чжоу Цзяи были расширены международным коллективом авторов в спецвыпуске журнала «The American Journal of

Economics and Sociology” [38]. В нем исследователи поставили задачу изучить влияние китайского присутствия на различные аспекты сельского хозяйства российского приграничья. Однако в статьях выпуска ушла вся типология, предложенная Чжоу, сократившись до абстракций в виде «китайских мигрантов», «китайских фермеров», «китайских инвестиций» или «китайских компаний». Например, в статье про влияние «китайских сельскохозяйственных иммигрантов» на российских фермеров авторы смешивают понятия «инвестиции», «компании», «иммигранты» и «работники» [39, р. 1389–1390]. В результате в статье все эти категории превращаются в единое гомогенное сообщество, навязывающее российским селянам неокOLONIALНЫЕ практики [39, р. 1408]. Схожие проблемы наблюдаются, например, в статье о передаче технологий китайскими фермерами российским аграриям [40]. Авторы не выделяют, чьи и какие технологии передаются, хотя, очевидно, что рабочий, малый фермер и крупный агробизнес, даже если полностью интегрированы в локальное сообщество, могут передавать совершенно разные техники и технологии ведения хозяйства. Во многом эти упущения связаны с неуместной методологией: статьи пытаются ответить на вопросы о структурных особенностях отношений китайских и российских акторов через социологический опрос, который в принципе не годится для такого анализа.

Вместо заключения. Кого и как изучать?

Критический взгляд на предшествующие исследования показывает нечеткое обозначение в них объекта. Эта неопределенность во многом связана со сложностью наблюдения за объектом исследования (отсюда и сложность его четкого определения). Сторонний наблюдатель вряд ли вообще может заметить это присутствие, так как китайские фермеры в России не стремились обозначать его. Полевые исследования автора статьи показывают, что поля, теплицы и производственно-складские базы в основном не маркировались как китайские. В лучшем случае о китайскости этих мест говорил иероглиф «счастье» на двери административного здания или небольшая табличка на входе, если компания была более-менее крупная. В офисах на листах А4 могли быть распечатаны правила или напоминания, например, для китайских механизаторов о необходимости оформления путе-

вого листа перед выездом в поле. На фоне этой демонстративной «некитайскости» в публичном пространстве, местные жители, чиновники и бизнесмены конкретного района или поселения четко знали, где находятся «китайские поля» и «китайские теплицы». Оно определялись через физическое присутствие граждан КНР. Даже в районных и поселковых администрациях агробизнес с китайскими инвестициями не признавался китайским, если на полях или среди менеджеров не видели китайцев. Зато компания с полностью российским капиталом, но широко привлекающая китайских рабочих, окрашивалась в глазах чиновников и местных жителей в «китайский» цвет. Эти места концентрации в разговоре позиционировались как непрозрачные, что хорошо показал К. Григоричев при изучении китайских теплиц в Сибири [41].

Здесь кроется базовая проблема — фактически мы называем фермерство или, более размыто, присутствие китайским по конечному производителю или медийному образу. Однако всегда ли полезно такое этническое маркирование как аналитический прием, если учитывать, что капиталистическое производство далеко не сводится работнику в поле или теплице? Такое выделение, очевидно, деструктивно, если аналитический прием превращается в «вещь саму по себе», то есть когда китайский производитель, обособленный для удобства исследования, незаметно превращается в феномен, функционирующий обособленно в российском поле. В этом случае китайское присутствие превращается в инструмент националистического, а не академического дискурса.

Китайское фермерство в России не является этнически обособленным по целому ряду причин. Во-первых, этому не способствует граница. Она разделяет не столько территорию, сколько социальное пространство. Его «сшивают» трансграничные формальные и неформальные институты, включая практики приглашения на работу в Россию под видом туриста или вложения инвестиций через контракты приграничной торговли. Физическое нахождение китайцев в сельском хозяйстве во многом базировалось на полулегальных и нелегальных практиках миграции. В России было сложно стать зарегистрированным иностранным работником, поэтому проблема решалась либо через «прятки» от контролирующих органов, либо через взятки местным чиновникам, которые закрывали глаза на туристические визы китайских работников [42, р. 358]. Такие практики были возможны только при существовании неформальных связей между гражданами обеих стран.

Во-вторых, сложность аренды земли в восточных районах России делает невозможной китайскую самоизоляцию в сельских районах. Несмотря на убеждение, что в России много пустой земли, она всегда кому-то принадлежит. Ее аренда требует от китайских фермеров постоянного взаимодействия с собственником, причем в самых разных формах: в виде формального договора аренды, который нередко нарушает российская сторона, в виде неформальных договоренностей с собственником, в виде совместного предприятия или в виде неформального «захвата» земли с молчаливого согласия контролирующих органов, пока собственник об этом не узнает [6, с. 19–23]. Более того, почти весь Дальний Восток и Север России, а также многие районы Сибири официально отнесены к пограничной зоне. Это делает невозможным долгосрочную аренду для иностранных граждан и компаний с преобладающей долей иностранного капитала [26]. Ограничения преобладают и через неформальные практики сотрудничества российских и китайских граждан и компаний [9]. Наконец, плохой инвестиционный климат в России не способствует обособленному хозяйствованию китайских рабочих, фермеров и компаний. Даже стигма по отношению к «китайской» овощной продукции заставляет китайских овощеводов в теплицах перед продажей «превращать» ее в российскую. Это требует взаимодействия не только с российскими овощебазами, но и с простыми «бабушками», торгующими китайскими овощами под видом домашних на рынках или на обочинах дорог [43].

Тесное взаимодействие российских чиновников и фермеров, китайских работников и предпринимателей показывает опыт полевых исследований автора. В феврале 2019 г. мы с коллегами в сопровождении представителя районной администрации посещали китайские теплицы. Визит не был запланирован и не сопровождался никакими договоренностями с китайской стороной — посетить теплицы спонтанно предложил чиновник во время нашего с ним ин-

тервью. Китайские работники теплицы пропустили нас внутрь и в общих словах познакомили со своей деятельностью. Когда мы покинули производственную площадку, через пять минут чиновнику позвонили с вопросом, что мы там делали. Звонил российский собственник земли, тоже фермер, причем ведущий собственное крупное хозяйство, но одновременно сдающий небольшую часть своих угодий китайскому бизнесу под теплицы. Из последующего интервью с этим фермером выяснилось, что в целом он сотрудничает с китайцами в самых разных формах: использует китайских работников в производственной деятельности своей компании, сдает земли китайским предпринимателям и сбывает продукцию (сою) китайским торговцам, а когда-то брал неформальные кредиты¹¹. Учитывая эту совокупность связей, справедлив вопрос, насколько «китайская теплица» является китайской.

В силу указанных особенностей объекта исследования наиболее продуктивным способом изучать китайское присутствие в сельском хозяйстве является обращение к изучению кейсов. Исследование конкретных компаний, теплиц или небольшой локальности с китайскими фермерами позволяет конкретизировать объект. Такой фокус хоть и не позволяет делать широких структурных наблюдений, но в конечном итоге дает больше понимания, как устроено китайское присутствие в сельском хозяйстве России, чем манипуляции с симулякрами вроде «крестьян» и «китайского аграрного капитализма». Эта задача выполнима не только через полевые исследования с интервью. Она решается также через обращение к текущим судебным делам, которые открыты как в Китае, так и в России. Оно в сочетании с критичным изучением официального и медийного дискурса позволяет глубже понять китайское присутствие в восточных районах России.

¹¹ Интервью, руководитель предприятия, Приморский край, февраль 2019 г.

Список использованной литературы

1. Urbansky S. Beyond the Steppe Frontier / S. Urbansky. — Princeton : Princeton University Press, 2020. — 392 p.
2. Зуенко И. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке / И. Зуенко, С. Иванов, А. Савченко. — DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113. — EDN LDKHLY // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 11. — С. 105–113.
3. Муратшина К.Г. Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР) / К.Г. Муратшина. — DOI 10.18097/1994-0866-2015-0-8-172-182. — EDN UBNSIJ // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 8. — С. 172–182.

4. Makarov I.A. Russian-Chinese Cooperation in Agriculture / I.A. Makarov. — DOI 10.1080/10611991.2018.1497276 // *Problems of Economic Transition*. Routledge. — 2018. — Vol. 60, no. 4. — P. 286–306.
5. Wegren S.K. Russia's tilt to Asia and implications for agriculture in the Far East / S.K. Wegren, A.M. Nikulin, I. Trotsuk. — DOI 10.1080/15387216.2015.1066263 // *Eurasian Geography and Economics*. — 2015. — Vol. 56, no. 2. — P. 127–149.
6. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) / Н.П. Рыжова. — EDN TQSRHH // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2014. — № 5. — С. 7–35.
7. Зуенко И. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы / И. Зуенко. — EDN YNSWFL // *Известия Восточного института*. — 2015. — Т. 2, № 26. — С. 51–59.
8. Zhou J. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East / J. Zhou. — DOI 10.1080/23802014.2016.1327795 // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. — 2016. — Vol. 1, no. 5. — P. 612–632.
9. Ryzhova N. Post-Soviet Agrarian Transformations in the Russian Far East. Does China matter? / N. Ryzhova, S. Ivanov. — DOI 10.1080/15387216.2022.2064892 // *Eurasian Geography and Economics*. — 2022. — April. — P. 1–27.
10. Cousins B. Social Differentiation of the Peasantry (Marxist) / B. Cousins. — DOI 10.1080/03066150.2022.2125805 // *Journal of Peasant Studies*. — 2022. — P. 1–12. Cousins B. Social Differentiation of the Peasantry (Marxist). *Journal of Peasant Studies*, 2022, pp. 1–12. DOI: 10.1080/03066150.2022.2125805.
11. Zhan S. The Land Question in China: Agrarian Capitalism, Industrious Revolution, and East Asian Development / S. Zhan. — London ; New York : Routledge, 2019. — 190 p.
12. Ploeg J.D. van der. The New Peasantries: Rural Development in Times of Globalization / J.D. van der Ploeg. — London ; New York : Routledge, 2018. — 584 p.
13. Huang P.C.C. China's Hidden Agricultural Revolution, 1980–2010, in Historical and Comparative Perspective / P.C.C. Huang. — DOI 10.1177/009770041562613 // *Modern China*. — 2016. — Vol. 42, no. 4. — P. 339–376.
14. Bernstein H. Agrarian Political Economy and Modern World Capitalism: the Contributions of Food Regime Analysis / H. Bernstein. — DOI 10.1080/03066150.2015.1101456 // *The Journal of Peasant Studies*. — 2016. — Vol. 43, no. 3. — P. 611–647.
15. Mamonova N. "Actually existing" Right-Wing Populism in Rural Europe: Insights from Eastern Germany, Spain, the United Kingdom and Ukraine / N. Mamonova, J. Franquesa, S. Brooks. — DOI 10.1080/03066150.2020.1830767 // *Journal of Peasant Studies*. — 2020. — Vol. 47, no. 7. — P. 1497–1525.
16. Huang H. The Rise and Fall of Middle Farmers: Accumulation and Differentiation in the Tea Consumption Revolution in China / H. Huang. — DOI 10.1080/02255189.2018.1506320 // *Canadian Journal of Development Studies*. — 2019. — Vol. 40, no. 1. — P. 48–63.
17. Zhang Q.F. The Political Economy of Contract Farming in China's Agrarian Transition / Q.F. Zhang. — DOI 10.1080/02255189.2018.1506320 // *Journal of Agrarian Change*. — 2012. — Vol. 12, no. 4. — P. 460–483.
18. Chen Y. Land Outsourcing and Labour Contracting: Labour Management in China's Capitalist Farms / Y. Chen. — DOI 10.1111/joac.12353 // *Journal of Agrarian Change*. — 2020. — Vol. 20, no. 2. — P. 238–254.
19. Zhang Q.F. Class Differentiation in Rural China: Dynamics of Accumulation, Commodification and State Intervention / Q.F. Zhang. — DOI 10.1111/joac.12120 // *Journal of Agrarian Change*. — 2015. — Vol. 15, no. 3. — P. 338–365.
20. Yan H. Agrarian Capitalization without Capitalism? Capitalist Dynamics from Above and Below in China / H. Yan, Y. Chen. — DOI 10.1111/joac.12121 // *Journal of Agrarian Change*. — 2015. — Vol. 15, no. 3. — P. 366–391.
21. Schneider M. Dragon Head Enterprises and the State of Agribusiness in China / M. Schneider. — DOI 10.1111/joac.12151 // *Journal of Agrarian Change*. — 2017. — Vol. 17, no. 1. — P. 3–21.
22. Bernstein H. Some Reflections on Agrarian Change in China / H. Bernstein. — DOI 10.1111/joac.12116 // *Journal of Agrarian Change*. — 2015. — Vol. 15, no. 3. — P. 454–477.
23. Zhang J. Beyond the 'Hidden Agricultural Revolution' and 'China's Overseas Land Investment': Main Trends in China's Agriculture and Food Sector / J. Zhang. — DOI 10.1080/10670564.2019.1580431 // *Journal of Contemporary China*. — 2019. — Vol. 28, no. 119. — P. 746–762.
24. Hofman I. Politics or Profits along the "Silk Road": What Drives Chinese Farms in Tajikistan and Helps them Thrive? / I. Hofman. — DOI 10.1080/15387216.2016.1238313 // *Eurasian Geography and Economics*. — 2016. — Vol. 57, no. 3. — P. 457–481.

25. 蔡依明, 孙莹. “一带一路”倡议下中国东北对俄远东地区农业合作发展研究 // 现代营销. — 2019. — № 3. — С. 5–7. [Цай Имин. Исследование развития сельскохозяйственного сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России в рамках инициативы «Один пояс — один путь» / Цай Имин, Сунь Ин // Современный маркетинг. — 2019. — № 3. — С. 5–7].
26. Зуенко И. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России / И. Зуенко, В. Сонин. — DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(1).57-65 // Правоприменение. — 2017. — № 1. — С. 57–65.
27. 泽津, 李林. 中国农民在俄罗斯纪实. — 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2012. — 279 页. [Цзэ Цзинь. Хроника китайских крестьян в России / Цзэ Цзинь, Ли Линь. — Харбин, 2012. — 279 с.].
28. Larin V. Chinese in the Russian Far East: Regional Views / Larin V. // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia / ed. T. Akaha, A. Vassilieva. — Tokyo : United Nations University Press, 2005. — P. 47–67.
29. Белоглазов Г.П. Социальные проблемы современной китайской деревни / Г.П. Белоглазов. — EDN QAWAJH // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. — 2012. — № 4. — С. 128–135.
30. 胡中禄. 论新友谊农场对俄农业开发的模式创新 // 中国农垦. — 2014. — № 11. — С. 27–30. [Ху Чжунлу. Инновационная модель развития сельского хозяйства совхоза «Новая дружба» в России / Ху Чжунлу // Мелиорация земель в Китае. — 2014. — № 11. — С. 27–30].
31. 沙纯影. 黑龙江省与俄罗斯农业经贸合作互补性及发展对策分析 // 商业经济. — 2018. — № 8. — С. 4–6. [Ша Чуньин. Анализ взаимодополняемости сельскохозяйственного экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией и контрмеры для развития / Ша Чуньин // Бизнес экономика. — 2018. — № 8. — С. 4–6].
32. 冀昱格, 张金萍. 黑龙江省与俄远东地区农业合作基础与障碍研究 // 对外经贸. — 2017. — № 5. — Р. 11–13. [Цзи Югэ. Исследование основ и препятствий сельскохозяйственного сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Дальним Востоком России / Цзи Югэ, Чжан Цзиньпин // Внешняя экономика. — 2017. — № 5. — Р. 11–13].
33. 王永春. 中国对俄罗斯远东农业投资潜力、制约因素及对策 // 农业经济问题. — 2015. — № 10. — Р. 96–100. [Ван Юнчунь. Потенциал, ограничения и контрмеры для китайских сельскохозяйственных инвестиций на Дальнем Востоке России // Экономические вопросы сельского хозяйства. — 2015. — № 10. — Р. 96–100].
34. Белоглазов Г.П. АПК КНР в процессе модернизации. Проблемы и перспективы, инвестиционные возможности для России / Г.П. Белоглазов. — EDN YNSWFC // Известия Восточного Института. — 2015. — № 2. — С. 43–50.
35. 张磊, 姜峰. 新时期吉林省对俄农业开发合作研究 // 现代交际. — 2020. — № 2. — С. 56–57. [Чжан Лэй. Исследование сотрудничества по развитию сельского хозяйства с Россией в провинции Цзилин в новую эпоху / Чжан Лэй, Цзян Фэн // Современная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 56–57].
36. 鲁俊辉. “一带一路”背景下中国企业对俄罗斯农业投资的特点、变化及问题 // 对外经贸实务. — 2020. — № 7. — С. 85–88. [Лу Цзюньхуэй. Характеристика, изменения и проблемы инвестиций китайских предприятий в сельское хозяйство России в контексте проекта “Один пояс, один путь” / Лу Цзюньхуэй // Практика внешней торговли. — 2020. — № 7. — С. 85–88].
37. Zhou J. Beyond ‘Natural’ Pressures: Chinese Agriculture in the Russian Far East / J. Zhou // Routledge Handbook of Asian Borderlands. — New York : Routledge, 2018. — P. 190–201.
38. Cobb C.W. Editor’s Introduction Farming Across the Border: Chinese Migrants in the Russian Far East / C.W. Cobb. — DOI 10.1111/ajes.12369 // American Journal of Economics and Sociology. — 2020. — Vol. 79, no. 5. — P. 1371–1385.
39. How Chinese Agricultural Immigrants Affect Farmers in the Russian Far East / F. Yi, R.T. Gudaj, V. Arefieva [et al.]. — DOI 10.1111/ajes.12361 // American Journal of Economics and Sociology. — 2020. — Vol. 79, no. 5. — P. 1387–1415.
40. Chinese Technology Transfer to Local Farmers in the Russian Far East / F. Yi, R.T. Gudaj, V. Arefieva [et al.]. — DOI 10.1111/ajes.12364 // American Journal of Economics and Sociology. — 2020. — Vol. 79, no. 5. — P. 1483–1509.
41. Grigorichev K. “They Exist, Yet They Do Not”: ‘Chinese Greenhouses’ in the Suburban Space / K. Grigorichev. — DOI 10.1080/10611959.2017.1450550 // Anthropology & Archeology of Eurasia. — 2017. — Vol. 56, no. 3–4. — P. 275–297.
42. Ryzhova N. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe / N. Ryzhova, G. Ioffe. — DOI 10.2747/1539-7216.50.3.348 // Eurasian Geography and Economics. — 2009. — Vol. 50, no. 3. — P. 348–364.
43. Grigorichev K. ‘Chinese’ or ‘Local’?: The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs / K. Grigorichev, I. Koreshkova. — DOI 10.1163/22105018-02302016 // Inner Asia. — 2022. — Vol. 24, no. 1. — P. 31–52.

References

1. Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier*. Princeton University Press, 2020. 392 p.
2. Zuenko I.Yu., Ivanov S.A., Savchenko A.E. Chinese Investments in the Russian Far East. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 11, pp. 105–113. (In Russian). EDN: LDKHLY. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113.
3. Muratshina K.G. Human and Environmental Risks of the Use of Migrant Labour in Russia' Agriculture (on Example of Cooperation with the PRC). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2015, no. 8, pp. 172–182. (In Russian). EDN: UBNSIJ. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-172-182.
4. Makarov I.A. Russian-Chinese Cooperation in Agriculture. *Problems of Economic Transition. Routledge*, 2018, vol. 60, no. 4, pp. 286–306. DOI: 10.1080/10611991.2018.1497276.
5. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I. Russia's Tilt to Asia and Implications for Agriculture in the Far East. *Eurasian Geography and Economics*, 2015, vol. 56, no. 2, pp. 127–149. DOI: 10.1080/15387216.2015.1066263.
6. Ryzhova N.P. Land and Power: a Comparison of Approaches to Property Studies (a Case of Informal Chinese Land Tenure). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, no. 5, pp. 7–35. (In Russian). EDN: TQSRHH.
7. Zuenko I.Yu. Chinese Business and Labor Force in the Agriculture of Russian Far East: Some Aspects of the Problem. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*, 2015, vol. 2, no. 26, pp. 51–59. (In Russian). EDN: YNSWFL.
8. Zhou J. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, vol. 1, no. 5, pp. 612–632. DOI: 10.1080/23802014.2016.1327795.
9. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet Agrarian Transformations in the Russian Far East. Does China matter? *Eurasian Geography and Economics*, 2022, April, pp. 1–27. DOI: 10.1080/15387216.2022.2064892.
10. Cousins B. Social Differentiation of the Peasantry (Marxist). *Journal of Peasant Studies*, 2022, pp. 1–12. DOI: 10.1080/03066150.2022.2125805.
11. Zhan S. *The Land Question in China: Agrarian Capitalism, Industrious Revolution, and East Asian Development*. London, New York, Routledge, 2019. 190 p.
12. Ploeg J.D. van der. *The New Peasantries: Rural Development in Times of Globalization*. London, New York, Routledge, 2018. 584 p.
13. Huang P.C.C. China's Hidden Agricultural Revolution, 1980–2010, in Historical and Comparative Perspective. *Modern China*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 339–376. DOI: 10.1177/009770041562613.
14. Bernstein H. Agrarian Political Economy and Modern World Capitalism: the Contributions of Food Regime Analysis. *The Journal of Peasant Studies*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 611–647. DOI: 10.1080/03066150.2015.1101456.
15. Mamonova N., Franquesa J., Brooks S. "Actually existing" Right-Wing Populism in Rural Europe: Insights from Eastern Germany, Spain, the United Kingdom and Ukraine. *Journal of Peasant Studies*, 2020, vol. 47, no. 7, pp. 1497–1525. DOI: 10.1080/03066150.2020.1830767.
16. Huang H. The Rise and Fall of Middle Farmers: Accumulation and Differentiation in the Tea Consumption Revolution in China. *Canadian Journal of Development Studies*, 2019, vol. 40, no. 1, pp. 48–63. DOI: 10.1080/02255189.2018.1506320.
17. Zhang Q.F. The Political Economy of Contract Farming in China's Agrarian Transition. *Journal of Agrarian Change*, 2012, vol. 12, no. 4, pp. 460–483, DOI: 10.1080/02255189.2018.1506320.
18. Chen Y. Land Outsourcing and Labour Contracting: Labour Management in China's Capitalist Farms. *Journal of Agrarian Change*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 238–254. DOI: 10.1111/joac.12353.
19. Zhang Q.F. Class Differentiation in Rural China: Dynamics of Accumulation, Commodification and State Intervention. *Journal of Agrarian Change*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 338–365. DOI: 10.1111/joac.12120.
20. Yan H., Chen Y. Agrarian Capitalization Without Capitalism? Capitalist Dynamics from Above and Below in China. *Journal of Agrarian Change*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 366–391. DOI: 10.1111/joac.12121.
21. Schneider M. Dragon Head Enterprises and the State of Agribusiness in China. *Journal of Agrarian Change*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 3–21. DOI: 10.1111/joac.12151.
22. Bernstein H. Some Reflections on Agrarian Change in China. *Journal of Agrarian Change*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 454–477. DOI: 10.1111/joac.12116.
23. Zhang J. Beyond the 'Hidden Agricultural Revolution' and 'China's Overseas Land Investment': Main Trends in China's Agriculture and Food Sector. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 28, no. 119, pp. 746–762. DOI: 10.1080/10670564.2019.1580431.

24. Hofman I. Politics or Profits along the “Silk Road”: What Drives Chinese Farms in Tajikistan and Helps them Thrive? *Eurasian Geography and Economics*, 2016, vol. 57, no. 3, pp. 457–481. DOI: 10.1080/15387216.2016.1238313.
25. Cai Yiming, Sun Ying. Research on the Development of Agricultural Cooperation Between North-east China and the Russian Far East in the Framework of the “One Belt, One Road” Initiative. *Xiàndài yíngxiāo = Modern Marketing*, 2019, no. 3, pp. 5–7. (In Chinese).
26. Zuenko I.Yu., Sonin V.V. Legal Restrictions and Informal Land Use Practices of Chinese Farmers on the Russian Far East. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, no. 1, pp. 57–65. (In Russian). DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).57-65.
27. Ze Jin, Li Lin. *Chronicle of Chinese Peasants in Russia*. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House Publ., 2012. 279 p.
28. Larin V. Chinese in the Russian Far East: Regional Views. In Akaha T., Vassilieva A. (eds). *Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia*. Tokyo, United Nations University Press, 2005, pp. 47–67.
29. Beloglazov G.R. Social Problems of the Contemporary Chinese Village. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN = Vestnik of the Far East Branch*, 2012,
30. Hu Zhonglu. An Innovative Model for the Development of Agriculture at the State Farm “New Friendship” in Russia. *Zhōngguó nóngkěn = Land Reclamation in China*, 2014, no. 11, pp. 27–30. (In Chinese).
31. Sha Chunying. Complementarity Analysis of Agricultural Economic and Trade Cooperation Between Heilongjiang Province and Russia and Countermeasures for Development. *Shāngyè jīngjì = Business Economy*, 2018, no. 8, pp. 4–6. (In Chinese).
32. Ji Yuge, Zhang Jinping. A Study of the Foundations and Obstacles of Agricultural Cooperation Between Heilongjiang Province and the Russian Far East. *Duìwài jīngmào = Foreign Economy*, 2017, no. 5, pp. 11–13. (In Chinese).
33. Wang Yongchun. Potential, limitations and Countermeasures for Chinese Agricultural Investment in the Russian Far East. *Nóngyè jīngjì wèntí = Economic Issues of Agriculture*, 2015, no. 10, pp. 96–100. (In Chinese).
34. Beloglazov G.P. The Modernization of Chinese Agro-Industrial Complex: Problems, Prospects and Russian's Investment Opportunities. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*, 2015, no. 2, pp. 43–50. (In Russian).
35. Zhang Lei, Jiang Feng. A Study of Agricultural Development Cooperation with Russia in Jilin Province in the New Era. *Xiàndài jiāojiè = Modern Communication*, 2020, no. 2, pp. 56–57. (In Chinese).
36. Lu Junhui. Characteristics, Changes and Problems of Chinese Enterprises' Investments in Russian Agriculture in the Context of the “One Belt, One Road Project”. *Duìwài jīngmào shíwù = Foreign Trade Practice*, 2020, no. 7, pp. 85–88. (In Chinese).
37. Zhou J. Beyond ‘Natural’ Pressures: Chinese Agriculture in the Russian Far East. *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. New York, Routledge, 2018, pp. 190–201.
38. Cobb C.W. Editor's Introduction Farming Across the Border: Chinese Migrants in the Russian Far East / C.W. Cobb. *American Journal of Economics and Sociology*, 2020, vol. 79, no. 5, pp. 1371–1385. DOI: 10.1111/ajes.12369.
39. Yi F., Gudaj R.T., Arefieva V., Mishchuk S., Potenko T.A., Yanbykh R., Zhou J., Zuenko I. How Chinese Agricultural Immigrants Affect Farmers in the Russian Far East. *American Journal of Economics and Sociology*, 2020, vol. 79, no. 5, pp. 1387–1415. DOI: 10.1111/ajes.12361.
40. Yi F., Gudaj R.T., Arefieva V., Mishchuk S., Potenko T.A., Yanbykh R., Zhou J., Zuenko I. Chinese Technology Transfer to Local Farmers in the Russian Far East. *American Journal of Economics and Sociology*, 2020, vol. 79, no. 5, pp. 1483–1509. DOI: 10.1111/ajes.12364.
41. Grigorichev K. “They Exist, Yet They Do Not”: ‘Chinese Greenhouses’ in the Suburban Space. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2017, vol. 56, no. 3–4, pp. 275–297. DOI: 10.1080/10611959.2017.1450550.
42. Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe. *Eurasian Geography and Economics*, 2009, vol. 50, no. 3, pp. 348–364. DOI: 10.2747/1539-7216.50.3.348.
43. Grigorichev K., Koreshkova I. ‘Chinese’ or ‘Local’?: The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs. *Inner Asia*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.1163/22105018-02302016.

Информация об авторе

Иванов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел китайских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, isaras9@outlook.com.

作者信息

Sergey A. Ivanov – 历史学副博士，高级科学研究员，中国研究系、远东人民历史、考古和民族志研究所，俄罗斯科学院远东分院，符拉迪沃斯托克，俄罗斯联邦, isaras9@outlook.com.

Author

Sergey A. Ivanov – PhD in History, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, isaras9@outlook.com.

Для цитирования

Иванов С.А. Китайские крестьяне и китайский аграрный капитализм: симулякры сельского хозяйства Дальнего Востока России / С.А. Иванов. – DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(4).241-254. – EDN DUMIEB // Российско-китайские исследования. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 241–254.

For Citation

Ivanov S.A. Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 241–254. (In Russian). EDN: DUMIEB. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(4).241-254.